

УДК 821.161.1-192(Шевчук Ю.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,445
Код ВАК 10.01.08
ГРНТИ 17.01.07

Г. А. ШПИЛЕВАЯ

Воронеж

ВОСПРИЯТИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДИЕНИЕМ ТВОРЧЕСТВА Ю.Ю. ШЕВЧУКА: PRO ET CONTRA

Аннотация. В данной работе будут рассмотрены принципы подходов к анализу произведений Ю. Шевчука с позиции традиционного и рок-литературоведения. С одной стороны, рок-поэзия, принадлежащая к общемировой культуре, волне отзывается на прилагаемые к ней исследователями филологические критерии, с другой стороны, в лирической рок-системе имеются специфические данности, требующие иного инструментария.

Ключевые слова: русский рок, рок-поэзия, рок-литературоведение, поэтическое творчество.

Сведения об авторе: Шпилева Галина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Контакты: 394024, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86; 19alex04@mail.ru.

G. A. SHPILEVAIA

Voronezh

YU.YU. SHEVCHUK'S CREATIVE WORK IN LITERARY CRITICISM: PRO ET CONTRA

Abstract. In the paper fundamental approaches to analysing Yu.Yu. Shevchuk's works from the viewpoint of traditional and rock literary criticism are considered. On the one hand, rock poetry, being part of the world culture, corresponds to researchers' philological criteria. On the other, a lyrical rock system possesses specific features calling for other research tools.

Key words: Russian rock, rock poetry, rock literary criticism, poetry.

About the author: Shpilevaia Galina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian and Literature, Voronezh State Pedagogical University.

В данной статье будет предпринята попытка подвести некоторые итоги исследованиям творчества Ю. Шевчука. Как выдающийся рок-поэт, Ю. Шевчук, безусловно, вписывается в традиции русской лирики (Золотого и Серебряного веков), что позволяет рассматривать его стихи в русле традиционной поэтологии. Однако рок-поэзия по многим параметрам отличается от классической поэзии, что требует особых подходов к анализу

первой. О некоторых специфических путях изучения творчества Ю. Шевчука также пойдет речь в настоящей работе.

Общезвестно, что любое культурное явление есть продолжение определенной линии (как бы далеко оно от неё ни отстояло), что определяет его диалогический характер. Диалог проявляется в интертекстуальных связях, заявляет о себе в поле стиля, идеологии и т.д. Вследствие этого появились (и появляются) глубокие исследования, выявляющие природу, «корни» поэтического почерка Ю. Шевчука. Исследования Е. Р. Авиловой, Ю. В. Доманского, Д. И. Иванова, Д. Ю. Кондратьевой, Н. В. Крыловой и В. А. Михайловой, Н. М. Матвеевой и др. раскрывают связи творчества Ю. Шевчука с поэзией Пушкина, Есенина, Блока, Мандельштама, Заболоцкого, Высоцкого, Башлачёва.

«Материал» для подобных изысканий пребывает не только в поэтических текстах Ю. Шевчука, но и в его автометапаратекстах, интервью, данных поэтом в разное время, например, Э. Радке (информация о музыкальных и литературных предпочтениях – Beatles, Галич, Высоцкий, Окуджава; о философском тяготении – Соловьев, Бердяев, Флоренский); М. Шидеру (о Серебряном веке – «предтече рок-поэзии»).

Авторы вышеуказанных работ (статей, монографий, диссертаций) убедительно и справедливо показали, «каково место рок-поэзии в литературном процессе, в движении от русской классики к современности» [3, с. 201].

Исследователи Ю. В. Доманский, Т. Е. Логачёва, А. А. Арустамова, С. Ю. Королёва и пр. указали на принадлежность «многих текстов Шевчука к традициям Петербургского текста русской литературы» [15, с. 208]. Ю. В. Доманский элегантно вписал создающих образы Петербурга рокеров в список великих творцов «петербургского текста»: «...Ведь создать, например, “Чёрный Пёс Петербург” или песни к первому “Брату” – это же сотворить такой город, которого пока что и не было. Это не Петербург Пушкина, Гоголя или Достоевского, это Петербург Шевчука и Бутусова» [4, с. 175].

Особое внимание исследователи обратили и обращают на типологические и генетические связи рок-поэзии в целом и творчества Ю. Шевчука в частности с произведениями В. С. Высоцкого. В 2001 году в Твери вышел в свет сборник «Владимир Высоцкий и русский рок» (ответственный редактор Ю. В. Доманский), где образы стихотворений-песен Ю. Шевчука фигурируют неоднократно. «Высоцкие» цитаты, посвящения в песнях Ю. Шевчука «свидетельствуют о том, что мощное поэтическое слово Высоцкого <...> живёт и не забыто <...>, ни с одним из классических бардов <...> не ведётся такого интенсивного диалога, как именно с Высоцким» [8, с. 365]. Отмечу очень тонкую работу А. Н. Ярмо, рассмотревшей проблему «близости рока и авторской песни» [17, с. 150]. Из новейших работ можно отметить статью о «метафоросодержащих» [13, с. 21] текстах В. С. Высоцкого и Ю. Шевчука.

Не будем также забывать, что в качестве аранжировщика для своих композиций Ю. Шевчук однажды выбрал К. Казански – друга В. С. Высоцкого и аранжировщика «французских» музыкальных альбомов

В. С. Высоцкого. Данный жест – знак того, что современный рок-поэт чтит память выдающегося барда второй половины XX века.

В русле традиционного литературоведения состоялись исследования доминантных образов поэзии Ю. Шевчука: о «рождественском тексте» стихотворений, которые «сложно вписать в ту модель мира, которая представлена рождественской иконографией» [16, с. 210] (имеется в виду образ трагического, «убитого» Рождества); о «суб-» и «контркультурной» сущности поэзии Ю. Шевчука, приводящей его и других рокеров к «поискам нового культурного кода» [1, с. 110]; о публицистической заостренности, социальной отзывчивости поэзии Ю. Шевчука, например, о пафосе стихотворений-песен, посвящённых трагическим событиям новейшей отечественной истории («помощь танком по лоткам давили овощи») – «поражённый увиденным» [11, с. 115], отмечает исследователь, поэт пишет свою знаменитую «Правда на правду».

Перечисленные работы (и пусть простят меня авторы значительных, но неназванных статей и монографий), безусловно, расширили горизонты «роковедения» и, конечно же, тонко и справедливо раскрыли особенности художественного мира выдающегося рок-поэта современности. Однако я хотела бы остановиться на таком традиционно затрагиваемом литературоведением аспекте исследования, где рок-филология открыла важные дополнительные составляющие, дающие перспективы продуктивного развития. Речь пойдёт о формах выражения авторского сознания в лирике Ю. Шевчука (и не только в его лирике), которая, безусловно, является «полисубъектной» [14, с. 29] или, в терминологии Б. О. Кормана, – «многоэлементной», где «авторское сознание выражается через выбор, сочетание и соотносённость нескольких лирических сфер» [5, с. 80].

О лирическом герое Ю. Шевчука было (в русле классического литературоведения) отмечено, что он «философствующий, страдающий и разочарованный в современной жизни интеллигент, ощущающий себя лишним человеком в современном обществе, но чувствующий тесную связь с прошлыми поколениями. Его жизненная философия во многом созвучна взглядам Ф. М. Достоевского, его теории почвенничества» [10, с. 122]. Можно привести несколько иное мнение, сводящееся к тому, что Ю. Шевчук «часто позиционирует лирическое “я” своей поэзии как маргинала и аутсайдера (“Пойду-ка посмотреть, накину ватник, / пальну из двух стволов в крошечный мрак. / Амбиций нет – не брокер, не десантник, / а так, Емеля-ля, Иван-дурак”. “Амбиций нет...”»). При этом имеется в виду, что он – органическая часть неблагоприятного мира в целом: “Я понимаю, на бред похож мой Век. / Меня в него не звали <...> Но все ж один я с этими большими облаками, / Рябой землёю, лесом, озером и мертвецами”. “Когда один...”» [14, с. 29].

Однако самые интересные открытия в области субъектных сфер поэзии Ю. Шевчука были сделаны исследователями, обратившимися к ролевой лирике поэта, где автор «выступает не от своего лица, а от лица разных героев» [5, с. 80]. Открытие в изучении феномена ролевой рок-лирики

принадлежит, на мой взгляд, Ю. В. Доманскому. Анализируя песню «Церковь без крестов», исследователь делает значимый вывод о том, что «звучащая природа и содержание этой песни позволяет расценивать её не только как образец двусубъектной ролевой лирики, но и как лирическое выражение авторского мироощущения, мироощущения рокера, поэта второй половины 1980-х» [4, с. 96].

Подобно тому, как в своё время разделили сказовую форму на «однонаправленную» и «двунаправленную» (обогатив теорию сказа и расширив поле исследования), так в данном случае толкование известной песни как *ролевой* («вполне возможно, что речь идёт о ранних годах советской власти, о том времени, когда церкви уничтожали физически: “Я церковь без крестов / лечу, раскинув руки, / вдоль сонных берегов / окаменевшей муки”» [4, с. 95]) и как песни «о личном кризисе», отрефлексированном Человеком лирики Ю. Шевчука, даёт дополнительные смыслы. Во второй интерпретационной версии – «перед нами лирический монолог поэта. Некогда он был могучим и сильным, не просто поддерживал веру в людях, а сам и был верой. Теперь же всё не так: всё важное и хорошее утрачено, всё сломано, остались только раны – телесные, душевные» [4, с. 96]. «Двойной взгляд», сосуществование двух «физических точек зрения» (возвращаясь к терминологии Б. О. Кормана) в одном тексте даёт возможность расширенной трактовки многих образов других ролевых стихотворений (пушкинского «недоноска», некрасовского «огородника», а также «микрофона», «истребителя», «Гамлета» Высоцкого). Субъектная текстовая принадлежность, при которой первая позиция без второй «недостаточна», а вторая без первой не совсем понятна, проясняет, как видно, необходимые смыслы произведения.

Всё, что я сообщила выше, можно отнести к разряду «рго», то есть к традиционному литературоведению, приложенному к творчеству Ю. Шевчука. Однако пора подойти к «contra».

Как в своё время для освоения поэзии Серебряного века и модернистской прозы конца XIX – XX вв. понадобились открытия русской «формальной школы», так для объективного (адекватного) рассмотрения поэтики рок-поэзии нужен новый инструментарий.

Рок-поэзия – поэзия *звучащая*, и здесь начинает о себе заявлять «новейшее» литературоведение. С явлением *недостаточности* «словесного элемента» (напечатанного слова, а не спетого) исследователи и читатели столкнулись давно, это заметил (в ряду других ученых) Х. Пфандль относительно текстов («вырванных из единого целого») песен «Битлз», «Роллинг Стоунз» и В. Высоцкого: «Но вскоре выяснилось, что как раз те тексты, которые в виде песен составляли несомненные шедевры (“Охота на волков”, “Две судьбы”, “Диалог у телевизора” – назовём три совершенно разных по характеру песни), либо совершенно не воспринимались как “просто” стихи, даже если читающий в уме воспроизводил уникальный голос и неповторимую манеру исполнения великого барда, либо теряли на бумаге большую долю той смысловой нагрузки, которая присуща этим произведениям в их

нормальном функционировании в качестве песен автора-композитора-исполнителя» [8, с. 366] (сказано о В. С. Высоцком, разумеется).

Подобные суждения¹ исходят и непосредственно от роковедов (например, в статье В. В. Шадурского, рассмотревшего альбомы ДДТ «Мир номер ноль» и «Метель августа» [12]), объективно анализирующих тексты стихотворений-песен. Действительно, как учесть (не слыша исполнения, а лишь читая текст) «ощущение небывалого драйва в сочетании со столь же небывалой грустью» от композиции «Просвистела», спетой Ю. Шевчуком «на концерте в Твери» [4, с. 225], который посетил Ю. В. Доманский?

Новые художественные данности изучает новое литературоведение, которое уже назвали роковедением или рок-литературоведением, а объекты рассмотрения определяют как «роковедческие маргиналии»: обложки альбомов, автометапаратекст, сюда же относят и рок-кино [4, с. 114]. Действительно, «исполнительский визуальный образ» (например, альбома «Иначе»), «концерт-фильм “Небо под сердцем”», «семантика заглавия альбомов» [2, с. 31; 32], сама «художественная логика» создания лирических циклов в альбомах дают ценную информацию, неотделимую от собственно текстов произведений.

Исследователи-роковеды учитывают автометапаратекст как «художественное начало <...>, как произведения художественной словесности в системе с песнями, к которым они относятся, в системе концертных комплексов» [4, с. 117]. Относительно творчества Ю. Шевчука, для понимания сути энергии «концепированного автора» его поэзии очень важным стал, например, следующий автометапаратекст: «Это мой лирический герой, с которым я себя частично отождествляю. Это, как мне кажется, Гамлет XXI века. Он уже не ищет ответа на вопрос: “Быть или не быть?”, он знает: “Быть!”. Теперь его заботит: “Как быть?”».

Что касается изучения упомянутого «рок-кино» (как приоритетного, по словам Ю. В. Доманского, направления в современной рок-филологии), то оно, конечно, кроме *живых* образов любимых рокеров, даёт возможность видеть «вариативные изменения текстов песен», «приращение смыслов» и их «редукции» [4, с. 121].

Так как для полноты картины любители и исследователи рок-искусства стремятся не только слушать, но и видеть интересующих их исполнителей, то относительно достижений рок-филологии можно отметить наблюдения над *авторским* (в данном случае – сценическим) *поведением*. Портрет Ю. Шевчука («борода, очки»), костюм («от чёрных спортивных штанов» до «майки» и «джинсов» и «старомодных, но всё же уже несломанных очков»), по словам исследователей, создаёт образ «авангардной модели поведения», с которой соотносится «повышенная отзывчивость

¹ Приведённые суждения вполне справедливы, но как отказать в поэтичности следующим строкам: «Я татарин на лицо / да с фамилией хохляцкой, / отчего ж тоске кабацкой угодил под колесо?»

художника к событиям земной, социальной жизни, коммуникативность» [6, с. 258; 259].

Проводимые рок-семинары и рок-конференции, выходящие в свет сборники, защищаемые диссертации, создаваемые статьи и монографии показывают, насколько мощно рок-филология развивается, какие появляются новые образцы интерпретации художественных текстов (достаточно почитать работы В. А. Гаврикова, Ю. В. Доманского, Г. Д. Дробинина, Д. И. Иванова, О. Э. Никитиной, С. В. Свиридова, А. Н. Ярко и многих других учёных).

Синтез традиционных приёмов филологического анализа текста (то, что я в данной статье отнесла к разряду «про») с новыми (не совсем удачно отнесенными мною к «contra») даёт интересные результаты, позволяет открывать новые возможности для исследования.

В заключение выскажу некоторые соображения.

Я, к сожалению, не знакома с музыковедческими работами (о связях русских рок-поэзии и рок-музыки); в высококоведении, например, подобные исследования существенно обогатили данное направление науки, нацеленной на изучение «авторской» песни – её «симметрии», совпадения в ней «стиха и фразы», её «интонационно-синтаксической замкнутости» [7, с. 183]. Надеюсь, что таковые рок-исследования существуют или появятся в ближайшем будущем.

Если рок-музыка (как западная, так и отечественная) является ярчайшим отражением восприятия современным человеком действительности, то русская рок-поэзия (рок-Слово), обладая уникальной свободой (в отличие от «авторитарного», в терминологии М. М. Бахтина слова, которое «не принимает свободно-творческих стимулирующих вариаций» [9, с. 198]), также демонстрирует особый тип рефлексии, создающей *аутентичное* слово. Слово Ю. Шевчука, «поэта российского рока» [15, с. 11], аутентично в полной мере, поэтому хотелось бы познакомиться с языковедческими работами относительно творчества художника – о социолингвистических аспектах его поэзии.

Литература

1. *Авилова Е. Р.* Эсхатологический миф Юрия Шевчука [Текст] / Е. Р. Авилова // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. – Екатеринбург; Тверь, 2011. – Вып. 12. – С. 110–115.
2. *Беляева Н. П.* Художественная логика альбома Ю. Шевчука «Иначе» [Текст] / Н. П. Беляева // Русский рок: Время назад: Сборник материалов семинара. – М.: Госуд. музей современной истории России, 2016. – С. 31–33.
3. *Данилова Н. К.* Художественное взаимодействие рок-поэзии с классикой и современностью [Текст] / Н. К. Данилова // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. – Екатеринбург; Тверь, 2014. – Вып. 15. – С. 201–207.
4. *Доманский Ю. В.* Рок-поэзия: филологический ракурс [Текст] / Ю. В. Доманский. – М.: INTRADA, 2015. – 272 с.
5. *Корман Б. О.* Изучение текста художественного произведения [Текст] / Б. О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 110 с.

6. *Крылова Н. В., Михайлова В. А.* Владимир Высоцкий – Юрий Шевчук: к проблеме творческого поведения [Текст] / Н. В. Крылова, В. А. Михайлова // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века. – М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. – С. 249–264.

7. *Кузнецова Е. Р.* Особенности метrorитмической структуры песен В. Высоцкого [Текст] / Е. Р. Кузнецова // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2007 – 2009 гг. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2009. – С. 178–185.

8. *Пфандль Х.* Владимир Высоцкий и русский рок. Сборник статей [Рецензия] / Х. Пфандль // Мир Высоцкого: исслед. и материалы. – М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. – Вып. VI. – С. 364–372.

9. *Семенюк О. А.* Авторская песня и русский язык периода 60 – 80 годов XX века [Текст] / О. А. Семенюк // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века. – М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. – С. 196–202.

10. *Троценко И. Н., Воробьёва Е. П.* Формы выражения авторского в творчестве Ю. Шевчука (альбом «Единочество») [Текст] / И. Н. Троценко, Е. П. Воробьёва // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. – Екатеринбург; Тверь, 2011. – Вып. 12. – С. 122–129.

11. *Чемагина А. В.* «Panem et circenses!»: образы хлеба и зрелищ в песне Ю.Ю. Шевчука «Правда на правду» [Текст] / А. В. Чемагина // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. – Екатеринбург; Тверь, 2011. – Вып. 12. – С. 115–121.

12. *Шадурский В. В.* О восприятии рок-поэзии (на материале альбомов ДДТ «Мир номер ноль» и «Метель августа») [Текст] / В. В. Шадурский // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – Вып. 5. – С. 230–237.

13. *Шпилева Г. А., Беляева Н. П.* Тропика В. Высоцкого и Ю. Шевчука: сравнительный аспект [Текст] / Г. А. Шпилева, Н. П. Беляева // Владимир Высоцкий: исследования и материалы. – Воронеж: Центр изучения творчества В. С. Высоцкого при ВГПУ, 2017. – С. 20–27.

14. *Шпилева Г. А.* Особенности художественного мира поэзии Ю. Шевчука [Текст] / Г. А. Шпилева // Русский рок: Время назад: Сборник материалов семинара. – М.: Госуд. музей современной истории России, 2016. – С. 29–31.

15. *Шевчук Ю.* Сольник. Альбом стихов. [Предисловие] / Ю. Шевчук – М.: Новая газета, 2009. – 206 с.

16. *Щукина Н. Е.* «Рождественский текст» в поэзии Ю. Шевчука [Текст] / Н. Е. Щукина // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. – Екатеринбург; Тверь, 2014. – Вып. 15. – С. 208–213.

17. *Ярко А. Н.* К проблеме «Владимир Высоцкий и русская рок-поэзия» («Таганский концерт» Александра Башлачёва) [Текст] / А. Н. Ярко // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2007 – 2009 гг. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2009. – С. 150–154.